

18+

**Дарья
Щедрина**

**ПТИЧКА
В ЛАДОНЯХ**

Дарья Щедрина
Птичка в ладонях

«Издательские решения»

Щедрина Д.

Птичка в ладонях / Д. Щедрина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519695-8

Он появился в ее жизни в самый трудный момент и подставил свое крепкое плечо, окружил заботой и вниманием, поманил ласковой улыбкой в новую светлую жизнь. Могла ли знать влюбленная в него девушка, каким кошмаром обернется для нее эта жизнь? И вот теперь она бежит, спасая себя и своих детей, слыша за спиной тяжелые шаги и хриплое дыхание зверя... И пока она чувствует себя жертвой, он будет охотиться на нее.

ISBN 978-5-00-519695-8

© Щедрина Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Птичка в ладонях

Дарья Щедрина

© Дарья Щедрина, 2020

ISBN 978-5-0051-9695-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Пока ты чувствуешь себя жертвой,
он будет на тебя охотиться...*

Пролог

Пока ты чувствуешь себя жертвой, он будет охотиться на тебя...

Зверь жадно втянул носом воздух, будто надеялся тут же, в чудовищной смеси запахов, уловить сладкий аромат жертвы. «Где ты, тварь?» – подумал зверь и огляделся. Каменные джунгли обступали его со всех сторон прямоугольными коробками зданий, лезли в глаза яркими пятнами рекламных плакатов и витрин. Мимо непрерывным потоком текла транспортная река, оглушая гудками клаксонов, грохотом трамваев, визгом шин по асфальту, и терялась в глубоких ущельях улиц. Человеческое стадо толкалось на тротуарах, вклинивая в уличный шум разномыслию, многоголосую людскую речь.

«Я знаю, я чувствую – ты где-то здесь!» Он прищурил серые волчьи глаза, всматриваясь в толпу. Но лиц было так много, что все они сливались в вязкую, однородную массу. Разум подсказывал ему, что искать вслепую человека в этом десятиллионном муравейнике бессмысленно. Но зверь в его душе только фыркал и ухмылялся: «Я найду тебя, тварь, из-под земли достану, а потом загрызу, но не насмерть. Я зубами разорву твои сухожилия, лишив возможности двигаться, и буду с наслаждением наблюдать, как ты истекаешь кровью!»

Он повернул голову вправо и увидел метрах в пятидесяти «зебру» пешеходного перехода и мигающий хитрый глаз светофора, поправил на плече спортивную сумку и двинулся сквозь толпу. В нем уже включился инстинкт охотника. В крови вскипал пузырьками азарт ищейки, идущей по следу. Чем сложнее, чем невыполнимее казалась задача по поиску иголки в стоге сена, тем быстрее стучало сердце, разгоняя кровь по всему организму, наполняя мышцы упругой силой и выносливостью. И пусть в нос бьет запах пыли, горячего асфальта и выхлопных газов, смешиваясь с вонью тысяч потных человеческих тел. Звериный нюх поможет ему уловить запах страха, идущий от жертвы.

Вместе с десятками других пешеходов он пересек проспект и зашел в большой супермаркет, чтобы купить бутылку воды. Его мучила жажда. Он сомневался, что ее можно будет утолить простой минералкой, потому что это была жажда крови. Эта тварь сбежала от него, прихватив щенков, решила спрятаться в мегаполисе. Наивная дура! Она так и не поняла, что уйти от НЕГО нельзя, разве что в могилу. И теперь он ее найдет и уничтожит. Взяв с полки бутылку «Бонаквы», он открутил крышку и жадными глотками стал пить прямо из горла, пытаясь притушить бушующий внутри огонь ненависти. Выпив бутылку до дна, он снова закрутил крышку и пошел к кассам, незаметно сунув пустую бутылку между стеллажами с крупами.

Так и не заплатив, он вышел на улицу и улыбнулся хищной улыбкой людоеда: охота началась...

***

Александр Плужников нажал на кнопку пульта, и створка ворот плавно поехала в сторону, открывая проезд на территорию участка. Большой темно-синий «рендж ровер» медленно подкатил к современному двухэтажному коттеджу из стекла и бетона. Закатное солнце отражалось в огромных, во всю стену, окнах слепящими оранжевыми бликами, превращая обычный жилой дом в хрустальный дворец таинственного волшебника.

Оставив машину возле гаража, Александр прихватил папку с документами и усталой походкой направился к дому. В окно кухни, слегка отодвинув занавески, выглядывала миловидная пожилая женщина и счастливо улыбалась.

– Наконец-то, сыночка! – Аделина Сергеевна всплеснула пухлыми ухоженными ручками, встречая сына на пороге.

– Привет, мам! – кивнул тридцатилетний «сыночка» с высоты своих метр девяносто. – Как дела?

– Ну как у меня могут быть дела, – вздохнула мама, скорбно поджав губы. – Ты весь день на работе, все время занят, а я тут скучаю совсем одна!

Он скинул в прихожей ботинки, прошел в гостиную, положил папку с документами на журнальный столик и отправился на кухню, влекомый аппетитными запахами. Ужасно хотелось есть, ведь за весь долгий, суетливый рабочий день ему так и не удалось выкроить время на полноценный обед.

– Мам, если тебе здесь скучно, зачем надо было сдавать свою городскую квартиру? Ходила бы сейчас по театрам и музеям, а не сидела в глуши за забором, – сказал Плужников, с любопытством заглядывая под крышку сковороды, стоящей на плите. – Что у нас на ужин? О, котлетки!..

– Как это зачем?! Ты знаешь, какая пенсия у педагога с сорокалетним стажем? Слезы, а не пенсия! А тут хоть какая-то дополнительная копеечка, – с нотками обиды в голосе ответила мама.

– Ну что ты говоришь, мама! Разве я когда-нибудь отказывал тебе в деньгах?

– Я не хочу сидеть на твоей шее! Подожди, еще наступит время, когда я стану совсем старой и беспомощной. Вот тогда и будешь тратить на меня деньги. А пока я в состоянии позаботиться о себе сама.

Он сел за стол и потянулся за хлебом. Но Аделина Сергеевна хлопнула сына по руке пухлой ладошкой и строго добавила:

– Сначала руки помой, а потом садись за стол! Сколько тебя учить надо?

Спорить, как всегда, совсем не хотелось. Пришлось вставать и тащиться в ванную, мыть руки. Плужников подозревал, что до глубокой старости будет ощущать себя ребенком в присутствии мамы. Но сдаваться без боя не собирался.

– Мам, а почему ты отказалась взять банковскую карту, когда я открыл тебе счет в банке? Это же так удобно.

– Вот еще, – фыркнула Аделина Сергеевна, – связываться с банковскими картами! Чтобы на меня напали какие-нибудь бандиты у банкомата и ограбили? Ты этого хочешь?!

Александр мысленно закатил глаза к потолку.

– Хорошо, давай я буду давать тебе наличные. Неужели я не смогу обеспечить собственную мать?! – Плужников вернулся за стол и принялся с аппетитом за ужин.

Аделина Сергеевна с увлажнившимися глазами подошла к сыну и поцеловала его в светловолосую макушку.

– Золотце ты мое, Сашенька... Не надо мне твоих денег, обойдусь. Буду сдавать квартиру. Мне на карманные расходы хватит. Вот только неудобно мне... Я чувствую, что мешаю тебе здесь.

– Мам, что за глупости? – Плужников даже вилку отложил, подняв на мать укоризненный взгляд. – В этом доме два этажа и чертова прорва комнат. Здесь можно разместить роту солдат на постой, и всем места хватит. Как ты мне можешь мешать?

– Сыночка, но ты ведь взрослый мужчина. Вдруг у тебя появится девушка, ты захочешь привести ее в свой дом, а тут я... Ты постесняешься. А я так хочу, чтобы ты наконец женился. Внуков понянчить хочется.

Умильно-трогательное выражение лица матери рассмешило Плужникова. К тридцати шести годам он понял, что на свете просто не существует женщины, способной понравиться придирчивой до мелочности Аделине Сергеевне. Перечень требований к будущей избраннице сына был столь велик, что никто, решительно никто не мог ему соответствовать.

– Мамуль, но ты же сама говорила, что вокруг меня выются только охотницы за моими деньгами.

– А разве это не так?

– Так, – кивнул, соглашаясь, Плужников, – все так. Но чтобы быть уверенным, что любят именно меня, а не мои деньги, я должен быть нищим. А этого я совсем не хочу. Поэтому предпочитаю оставаться холостяком. В этой холостяцкой жизни меня все устраивает! К тому же ты готовишь лучше всех.

Аделина Сергеевна, пойманная в собственную ловушку, сокрушенно покачала головой.

– Но это неправильно, Саша! У человека должна быть семья, дети.

– Успокойся, мамуля, я еще лет восемь-десять погуляю на воле, а потом женюсь.

– С ума сошел? Десять лет – это же слишком много. Через десять лет мне уже не до внуков будет.

– Мам, успокойся, не переживай. Все будет хорошо! Лучше приготовь завтра на ужин курицу с грибами, как ты всегда делаешь, – увел разговор в более безопасное русло Плужников.

– В сливочном соусе? – воодушевилась Аделина Сергеевна.

– В сливочном соусе.

Пожилая женщина тут же переключилась на любимую кулинарную тему, а Плужников мысленно похвалил себя за дипломатичность. Еще в детстве от отца он усвоил, что мать – главная женщина в жизни каждого мужчины. Для него было важным не расстраивать маму, оберегать от лишних переживаний. Особенно это стало важным после смерти отца.

Аделина Сергеевна, выйдя на пенсию десять лет назад, с большим энтузиазмом составила для себя культурную программу и с радостью окунулась в изучение коллекций музеев, посещение концертов и спектаклей. Но неожиданная смерть мужа стала для нее таким ударом, что она мгновенно постарела лет на двадцать, превратившись из холеной, элегантной и энергичной дамы в несчастную одинокую старушку. У Саши, тоже тяжело переживавшего уход отца, сердце кровью обливалось от сострадания, глядя на мать. Тогда он постарался проводить как можно больше времени вместе с ней. Но работы было много, кроме того, активно строился его загородный дом. Всему этому надо было уделять время и внимание.

А мама, страдающая от одиночества, стала цепляться за сына. Если он не успевал ей позвонить до конца рабочего дня, она звонила сама и плакала в телефонную трубку, жалуясь на сыновнюю невнимательность и безразличие. После постройки дома могла неожиданно, без всякого предупреждения нагрянуть к нему с визитом. И если заставала в доме очередную подругу сына, то устраивала громкий скандал. Ну какая личная жизнь выдержит такой напор материнской любви?

Саша старался загасить скандал, сгладить неловкость, но всегда вставал на сторону матери, чего не прощала ему подруга. Очередные отношения рушились. А он молча удивлялся себе: почему он с такой легкостью жертвовал собственными чувствами к женщине? Может быть, они были не столь глубоки, чтобы из-за них ссориться с единственным родным человеком на свете?

Теперь все его увлечения застревали на стадии «букетно-конфетного» периода, не перетекая во что-то более серьезное. Встречаться с подругами Плужников старался на нейтральной территории, не рискуя приводить их домой. Но любопытной Аделине Сергеевне все равно удавалось окольными путями разузнать об избраннице сына и составить свое строгое мнение. Вердикт «она тебе не подходит!» регулярно звучал смертным приговором над каждой новой симпатией сына. И сын смирялся, подчиняясь воле судьбы, но тут же переключался на поиски новой подружки.

***

Прошла неделя. Не успел Плужников переступить порог собственного дома с твердым намерением отдохнуть после тяжелого трудового дня, как ему навстречу выбежала Аделина Сергеевна... в уличной одежде и с зонтиком в руках.

– Саша, мне нужна твоя помощь. Это безобразие какое-то, просто безобразие! – Она пыталась всунуть сложенный зонт в дамскую сумочку, но зонт не помещался. От волнения руки Аделины Сергеевны мелко дрожали.

– Что случилось, мам?

Плужников уже лет десять не видел мать в таких растрепанных чувствах.

– Две недели, Саша, целых две недели эта дрянь водит меня за нос и кормит завтраками! До чего пошла наглая, беспардонная молодежь! Обманывать пожилую незащищенную женщину! И ведь хватает совести, – продолжая сокрушаться, Аделина Сергеевна стала энергично выталкивать сына из прихожей обратно на улицу.

– Мам, я ничего не понимаю, – растерялся тот, – объясни, что стряслось!

– Моя квартирантка не платит за квартиру! – возмущенно выпалила Аделина Сергеевна. – Уже две недели обещает и не платит. Это возмутительно! Ты должен поехать со мной и поговорить с этой нахалкой.

Плужников попытался возразить, уже открыл рот, но прервать поток возмущенных слов не удалось. Аделина Сергеевна кипела и булькала:

– Какое хамство! В наше время молодые люди не позволяли себе такого. А теперь обмануть, обвести вокруг пальца того, кто слабее, незащищеннее, считается особой доблестью. Ты не волнуйся, Сашенька, тебе даже говорить с ней не придется. Ты просто постоишь за моей спиной, я все выскажу ей сама, не стесняясь в выражениях. А ты будешь просто смотреть на нее с грозным видом. Ты умеешь делать грозный вид? – Аделина Сергеевна бросила испытующий взгляд на взрослого сына: высоченный рост, косая сажень в плечах, мужественные черты лица, волевой подбородок. Удовлетворенно кивнула: – Умеешь! Пусть она почувствует, что у меня есть надежный тыл, что меня есть кому защитить. И пусть не надеется, что ей это сойдет с рук.

Плужников хотел сказать, что очень устал, что голоден, что сегодня вечером по телевизору футбольный матч лиги чемпионов и ему совсем не хочется тащиться по залитой дождем дороге в город, в суету и толкотню, но промолчал. Он точно знал, что лучше выполнить мамину просьбу. Для него же лучше. Возмущенная Аделина Сергеевна не даст ему покоя, и запах корвалола, надоедливый, вездесущий, проникающий во все щели, заполнит собой весь дом и будет терзать его сыновью совесть.

– Хорошо, мама, поехали, – обреченно вздохнул Плужников и достал из кармана ключи от машины.

Дорога заняла сорок минут. Под неумолчное возмущенное ворчание матушки Плужников вел машину сквозь наступающую осень. Мелкие капли дождя сливались в прозрачные ручейки и косыми потоками стекали по лобовому стеклу. Тихо и равномерно стучали «дворники», разгоняя эти дорожки. За окнами машины проносились бесконечные вереницы городских домов. Сознание, ведомое чувством голода, выхватывало из сияющих неонов вывесок названия кафе и ресторанов. «Ох уж эта мама!» – подумал Плужников и тяжело вздохнул.

Он с большим трудом припарковал машину в забитом легковушками дворе, вылез из машины, обошел ее по кругу и распахнул дверь перед Аделиной Сергеевной. Та, цепко ухватив сына за руку, выбралась из глубокого мягкого кресла и, выпрямив спину, решительно зашагала к дверям подъезда.

– Мам, давай я с ней сам поговорю, а ты посидишь в машине. Ну зачем тебе нервы мотать? Давление еще поднимется, – попытался повлиять на мать Александр.

– Нет. Я сама. Ты просто стой сзади и молчи. Я разберусь с этой нахалкой!

Долго ждали лифт. Пока поднимались на седьмой этаж, воображение Плужникова нарисовало портрет возмутительницы спокойствия: молодая девица с наглой кривоватой усмешкой на ярко размалеванной физиономии, в облегающем тело, как вторая кожа, платье с короткой юбкой и возмутительно глубоким декольте. Воображаемая девица стояла, уперев руки в бока, и нахально чавкала жевательной резинкой...

На лестничной площадке Плужников подошел к двери первым и нажал на кнопку звонка.

– Убери руку! – скомандовала Аделина Сергеевна и вытащила из сумочки связку ключей. – Это моя квартира, и я открою ее своим ключом!

Когда ключ в замке, звякнув, сделал последний поворот, дверь неожиданно распахнулась. На пороге стояла девушка лет двадцати восьми, невысокая, хрупкая, с распущенными темными волосами, в домашнем фланелевом халатике с каким-то детским рисунком (то ли мячики, то ли воздушные шарик!) и большими испуганными глазами. Весь ее вид так сильно отличался от нарисованного воображением, что Плужников замер с раскрытым ртом, но так и не произнес ни слова.

Зато Аделина Сергеевна решительно шагнула в коридор, заставив квартирантку отступить на пару шагов, и заявила:

– Вот, милочка, прошу познакомиться: мой сын Александр! Он бизнесмен и весьма влиятельный человек. – Плужников мгновенно почувствовал себя свадебным генералом и еще больше растерялся. – Мы пришли за моими деньгами.

– Я же вам сказала, Аделина Сергеевна, что отдам деньги, как только смогу – отдам... – голос ее был похож на голос предназначенного в жертву ягненка, которого уже подвели к человеку с большим острым ножом в руке.

– А я вам не верю, милочка! – заявила квартирная хозяйка и стала наступать на квартирантку. – Вы пытаетесь водить меня за нос, но это вам с рук не сойдет! Александр, что ты молчишь?!

Женщина перевела испуганный взгляд на здорового мужика, маячившего за спиной Аделины Сергеевны. Голубоглазый и светловолосый, он был похож на скандинавского викинга, возвышавшегося над маленькой пожилой женщиной с угрожающим видом, только боевого топора и рогатого шлема не хватало. Квартирантка отступила еще на шаг и побледнела. Хотя куда уж было бледнеть!

Лицо ее с впалыми щеками, с темными кругами под глазами стало почти прозрачным. Плужникову померещилось, что он видит тоненькую синюю жилку, косо пересекающую висок, и жилка эта трепещет, пульсирует с сумасшедшей скоростью. «Сейчас в обморок упадет», – понял он и сделал два шага по направлению к квартирантке с намерением подхватить, не дать упасть на пол.

Из груди девушки вырвался испуганный всхлип, и она прижалась спиной к стене, тиская в кулачках воротник своего халатика. Вдруг глаза ее, густо-карие, огромные из-за темных кругов под ними, вспыхнули лихорадочным огнем и замерцали в коридорном сумраке. И весь ее облик напомнил маленького зверька, загнанного в угол, из которого нет выхода – только смерть.

– Ну что вы за люди, москвичи! – воскликнула она звенящим голосом. – Сами живете в загородных домах, в деньгах не нуждаетесь, а квартиру сдаете из жадности, чтобы не упустить копейку. А меня с работы уволили, потому что прописки нет, потому что приезжая. Но я найду работу, обязательно найду и отдам вам ваши чертовы деньги! Что вам стоит подождать немного?

– Не пытайтесь бить на жалость. Знаем мы эту песню, милочка! – заявила непробиваемая Аделина Сергеевна. – Отдайте деньги и выметайтесь из моей квартиры!

– Нет! – с отчаянием выкрикнула квартирантка в лицо возмущенной хозяйке. – Не выметусь!

– Что значит «не выметусь»?.. – брошенный в сторону сына взгляд говорил о явной растерянности.

Вдруг дверь комнаты, выходящая в коридор, тихонько скрипнула, и на пороге показались два малыша трех-пяти лет. Прижимаясь к друг другу, словно это могло их уберечь от чего-то страшного, мальчишки в застиранных трикотажных пижамках уставились испуганными глазами на незнакомых людей.

– Мам, это кто? – спросил старший, обнимая одной рукой младшего и слегка отодвигая его себе за спину, защищая.

Аделина Сергеевна вытянула дрожащий указательный палец в сторону малышей и с трудом выдавила из себя:

– Дети? Чьи это дети?..

– Мои! – квартирантка бросилась к детям и быстро увела их в комнату, прикрыв за собой дверь.

– Саша, что это значит?.. – бормотала Аделина Сергеевна, хватаясь за сердце и хлопая глазами.

Плужников подхватил мать под локоть и увел в кухню. Усадив там на табуретку, распахнул настежь форточку, впуская свежий воздух, и быстро налил в чашку воды из-под крана, сунул чашку матери в руку.

– Пей, мама, и успокойся. Сейчас мы во всем разберемся.

– Она же из-под крана, Саша, а я не пью некипяченую воду, – проблеяла капризно пожилая дама, – там могут быть микробы.

Плужников быстро осмотрелся в кухне в поисках графина с кипяченой водой. Когда-то на столе стоял хрустальный графин. Но теперь в доме жили чужие люди и все стало по-другому. Графин исчез, а Плужников почувствовал себя незаконно вторгшимся на чужую территорию. Пока он судорожно искал кипяченую воду, распахивая одну за одной дверцы кухонных шкафов, в кухню вошла квартирантка. Она больше не выглядела испуганной, наоборот, глаза ее пылали отчаянным огнем, а голос перестал дрожать.

– Откуда здесь дети? – вопрошала растерянно Аделина Сергеевна. – Я же сдавала вам квартиру без всяких детей.

– Да, – заявила девушка с вызовом, сложив руки на груди и остановившись напротив хозяйки, – я утаила от вас, что буду жить в вашей квартире с детьми! А разве бы вы сдали мне квартиру, если бы знали про детей?

Аделина Сергеевна отрицательно замотала головой, но промолчала, переводя растерянный взгляд то на квартирантку, то на сына.

– И никто бы не сдал. Зачем вам, москвичам, лишняя морока с детьми, тем более чужими? Вам нужно деньги содрать, ничем не рискуя. А дети, они же бегают, шумят, играют, могут что-то сломать, испортить. Не-е-т, дети вам не нужны, они лишние! А мне что делать? Сдать в багажное отделение на вокзале?!

Она подошла к столу вплотную, оказавшись прямо напротив квартирной хозяйки, отчего та невольно отодвинулась, скрипнув ножками табуретки по полу.

– Я сбежала от мужа-алкоголика и садиста, который меня бил, измывался, как мог, унижал. Я, дура, долго терпела, все надеялась, что образумится, пока он не взялся за детей. Вот тут уж я схватила самое необходимое и рванула с детьми в эту вашу Москву. Здесь, как в густом лесу, надеялась спрятаться от уroda и спасти детей.

Девушка глубоко и шумно вздохнула, переводя дыхание, потом продолжила:

– Приехали в Москву. Город огромный, чужой, совершенно незнакомый. Куда идти? У кого искать помощи? Деньги с собой были, но их хватило бы ненадолго. Я быстро поняла,

что одинокой женщине с детьми никто квартиру не сдаст, а если и сдаст, то цену раза в три накрутит. Пришлось соврать. Работу кое-какую нашла, договорилась с пожилой соседкой, что за детьми присмотрит за небольшую плату. Но с работы меня вышвырнули, предпочли человека с московской пропиской. Но я не сдамся! Я найду другую работу. А выгонять меня с детьми из квартиры вы не смеете! Куда мне идти, на улицу? Дети и так голодные сидят, на одних макаронах. А вы меня на улицу?! Не посмеете! Потому что это бесчеловечно. Вы же люди. Или уже не люди? Или вам жажда наживы все человеческое в душе вытравила?

Голос ее зазвенел натянутой до предела струной. «Сейчас лопнет», – понял Александр и насторожился. Женщина с усилием втягивала в себя воздух, пытаясь еще что-то выкрикнуть в лицо своей квартирной хозяйке, но воздуха не хватало. Она прижала правую руку к груди и всхлипнула.

Плужников схватил ее за плечи и усадил напротив матери. А та причитала, как несправедливо обиженная девочка:

– Саша, что же это?.. Как же это?..

– Успокойтесь, – заговорил Плужников, доставая еще одну чашку, наливая в нее воду и ставя перед женщиной, – у вас истерика. Выпейте и успокойтесь.

Девушка, шумно глотая, осушила чашку и поставила ее на стол трясущимися руками. Она подняла свои огромные пылающие глаза на Александра и прошептала:

– Вы не посмеете выгнать меня с детьми на улицу.

– Да никто вас не выгоняет из квартиры! – твердо заверил Плужников и налил воды себе, сделал большой глоток. Холодная вода потекла вниз по пищеводу, не гася, но хоть немного успокаивая что-то горячее, жгучее, что, как вулкан, глухо бурлило внутри.

– Что ты говоришь, Саша? – пролепетала Аделина Сергеевна и уставилась на сына удивленно-непонимающим взглядом.

– Так, – Плужников вытащил из-под стола еще одну табуретку, уселся на нее, оказавшись между двух женщин, достал из внутреннего кармана свой «паркер» с золотым пером и завалявшийся в кармане чек из супермаркета, – слушайте меня внимательно!

Обе женщины притихли и подняли на него глаза.

– Как вас зовут? – спросил он, ни на кого не глядя и что-то чиркая на обратной стороне чека.

– Евгения, – ответила за квартирантку Аделина Сергеевна.

– Так вот, Евгения, завтра утром вы позвоните по этому телефону Алле Ефимовне и скажете, что от Александра Сергеевича.

– Какого Александра Сергеевича? – растерянно наблюдая за появляющимися из-под золотого пера цифрами, спросила девушка.

– Не волнуйтесь, не Пушкина, – ответил Плужников совершенно серьезно. – Александр Сергеевич – это я. А Алла Ефимовна начальник отдела кадров. Вы кто по специальности?

– Экономист.

– И диплом есть? – Плужников уже превратился в сурового начальника, руководителя крупной строительной фирмы. Евгения кивнула. – Хорошо. Работу по специальности не обещаю, но что-нибудь найдем. На первое время хоть что-то подыщем.

Он положил перед ней листок с телефонным номером и убрал «паркер» в карман.

– Пойдем, мама, – скомандовал он, поднимаясь из-за стола. – А вы, Евгения, не забудьте, обязательно позвоните.

Он силой выволок из квартиры упирающуюся матушку, пока ехали в лифте, пропускал мимо ушей возмущенное кудахтанье и обвинения в непонимании, потом быстрым шагом подвел Аделину Сергеевну к машине и буквально впихнул ее на переднее сиденье.

– Саша, что все это значит?! – взывая к его совести воскликнула мать. – Почему ты не выгнал ее из квартиры? Почему не вытряс деньги?

Плужников, нахмурившись и сцепив зубы, чтобы не сорваться на мат, сел за руль и вытащил из кармана портмоне.

– Сколько она тебе задолжала? – спросил он, пересчитывая деньги и даже не повернувшись в сторону матери.

– Двадцать тысяч...

– Вот тебе сорок, – он всунул хрустящие красноватые купюры в ее ладонь и убрал портмоне обратно в карман, – больше она тебе ничего не должна. В следующий раз за квартплатой обращайся ко мне. Если тебе так нужны деньги, я буду платить вперед.

Машина рывком тронулась с места, чуть не зацепив соседнюю иномарку. Аделина Сергеевна бросила удивленный взгляд на сына: он больше не был похож на ее послушного, доброго мальчика, на ее сыночку. За рулем сидел чужой злой до чертиков суровый мужик, так что она даже отодвинулась подальше. Но чувство оскорбленной гордости требовало компенсации.

– Неужели ты поверил этой нахалке? Да она устроила перед нами театральное представление. Это же был спектакль, Саша!

Плужников скрипнул зубами, но сдержался и ответил почти спокойно:

– А детей будем считать статистами из массовки? Нет, мама, это не был спектакль. Что с тобой случилось, что ты не в состоянии отличить актерскую игру от последней степени отчаяния? И сколько тебе нужно денег, чтобы ты отстала от несчастной женщины?

Аделина Сергеевна промолчала, надулась, изображая глубоко оскорбленную, и всю дорогу ехала, отвернувшись к окну.

Он долго не мог уснуть, глядя остановившимся взглядом на потолок. Там плясали свой странный танец тени от ветвей растущей под окном рябины. Ветер с дождем раскачивал дерево, срывая остатки осенней листвы, превращая некогда завораживающе красивые перистые листья в мокрые и грязные обрывки. Золотая осень кончилась, а до настоящих заморозков было еще далеко. Плужников ненавидел это хмурое, мрачное межсезонье с затяжными дождями и долгими темными ночами.

Он думал о женщине, оставшейся в квартире матери. Он был уверен, что исполнительная Алла Ефимовна обязательно найдет для Евгения хоть какую-то работу, поможет, выручит. Но эта уверенность почему-то не успокаивала. В душе бурлила раскаленная лава гнева.

Плужников вырос в интеллигентной московской семье, мама-учительница работала в хорошей школе, где учились одаренные дети, а отец трудился главным инженером в одном из оборонных НИИ. Сам Александр после школы сразу поступил в престижный вуз, а после его окончания вышел на широкую дорогу большого бизнеса и до сих пор вполне уверенно шагал по ней.

Его жизнь протекала в среде умных, активных, любящих комфорт и умеющих зарабатывать деньги людей. Да, в этой среде могли обмануть, предать, подставить с любезной улыбкой на устах, могли строить козни за твоей спиной, могли перекупить поставщиков, «увести» выгодный контракт, могли навлечь на твою голову какую-нибудь внеплановую муторную проверку, но никто никогда не бил женщин... В этой среде женщин любили и ценили, ими хвастались друг перед другом, как престижными иномарками. Для большинства его друзей и знакомых женщина, с которой шел по жизни рука об руку, была символом успеха, достигнутого высокого уровня жизни, а не только женой и матерью детей. Разводы, конечно, случались, и даже громкие разводы, со скандалом, с судебными тяжбами по разделу имущества, с длинным шлейфом грязных сплетен, тянущимся за обоими расстающимися супругами. Но все равно никто никогда не поднимал руку на женщину. Это было невозможно, немислимо, недопустимо.

Плужников повернулся на левый бок, отворачиваясь от окна. По углам спальни клубилась темнота, пряча привычные вещи и предметы. Он вспомнил затравленный взгляд квартирантки, ее хрупкие, дрожащие руки, срывающийся на крик голос... Ударить такую – все равно

что ударить ребенка. Надо быть последней сволочью, чтобы... Александр вдруг осознал, что до судороги сжимает ладонь в кулак, снова лег на спину и закинул руки за голову.

Он, конечно, знал, что существует другая жизнь, другой мир, гораздо более грязный и жестокий. Но до сих пор этот мир существовал где-то далеко, за экраном телевизора, в шушуканье досужих сплетниц – маминых подруг, в слухах, в которые невозможно было поверить, словно их выдумывали писатели и сценаристы. Жизнь Плужникова, комфортная и спокойная, до сих пор была надежно защищена невидимой, но непреодолимой стеной от той параллельной реальности. И вдруг пылающий взгляд карих глаз хрупкой девушки прорвал эту стену, пробил ее, попав прямоком Плужникову в душу, разбередив, разметав там все, безвозвратно нарушив привычные покой и порядок.

***

Марина гладила белье, когда задребезжал дверной звонок.

– Илюш, открой, пожалуйста! – крикнула она мужу, тщательно разглаживая морщинку на пододеяльнике и косясь одним глазом на экран телевизора. Шло ее любимое ток-шоу.

Румяный ведущий в «ящике» с пристрастием допытывался у растерянной размалеванной девицы, от кого же она могла родить ребенка, а та запуталась, перечисляя всех возможных кандидатов – пальцев на руках не хватало. Марина только усмехнулась, подивившись такой любвеобильности героини телепередачи.

– Это к тебе, – сообщил муж, заглянув в комнату.

Пришлось выключать утюг и бросать ток-шоу на самом интересном месте. «Ну, если это опять Галка с пятого этажа за солью притащилась, я ее с лестницы спущу!» – подумала Марина, грозно сжимая кулаки. Но у порога скромно переминался с ноги на ногу незнакомый молодой человек.

– Здравствуйте, Марина! – приветливо и немного виновато улыбнулся он.

Среднего роста, коренастый и темноволосый. Лицо у гостя было интеллигентное и приятное, но ничем не примечательное. Что-то знакомое почудилось ей во взгляде серых внимательных глаз.

– Здравствуйте, а вы кто? – спросила Марина, быстро застегивая расстегнувшуюся пуговицу на домашнем халате.

– Я Игнат Златогорский, муж Жени, – помог ей вспомнить визитер. – Вы меня не помните?

– Игнат?.. Ах, да, помню, конечно, помню! Я же была у вас на свадьбе шесть лет назад. Вы проходите. Какими судьбами?

– Я ищу Женю. Она пропала.

Произнесено это было так, что Марина сразу поняла: стряслась беда, и заволновалась.

– Да вы проходите, проходите, Игнат! Что значит пропала?

Молодой человек разделся в коридоре и, явно стесняясь, прошел за хозяйкой в кухню. Он огляделся в маленькой, но чистенькой и уютной кухоньке, скромно присел на краешек табуретки за столом и стал рассказывать чуть хриплым от волнения голосом:

– Неделю назад она вышла из дома на прогулку с детьми и пропала. Я в это время был в командировке. А когда вернулся, перерыл весь Сосновск, но напрасно. В городе ее не было. Я опросил всех соседей, всех знакомых, поднял на ноги местную полицию, но...

Голос его дрогнул и осекся. Взрослый, крепкий, тридцатилетний мужчина чуть не плакал. И у Марины от сострадания болезненно сжалось сердце.

– И вы приехали в Москву искать ее у меня?

– Единственное, чем мне сумела помочь полиция, это информация. Пробыли по базам данных у транспортников и выяснили, что Женя уехала в Москву с двумя детьми в купейном вагоне. А в Москве из знакомых у нее только вы, Марина. Ей больше не к кому обратиться в незнакомом городе.

– Но я ничего не знаю, – растерянно пробормотала хозяйка, спешно накрывая на стол. Ей захотелось хоть как-то помочь, поддержать несчастного. – Она мне не звонила почти пять лет. И не приезжала. Я даже не знала, что у нее есть мой московский адрес. Мы же переехали сюда с семьей всего два года назад.

– Точно не звонила? И по интернету вы не списывались? – допытывался Игнат, не обращая внимания на появляющиеся на столе чайные чашки, сахарницу, печенье и вазочку с домашним вареньем. – Мариночка, вы моя последняя надежда! Помогите мне, пожалуйста! Я очень волнуюсь за Женьку и за малышей.

– Да я бы с удовольствием! – искренне воскликнула хозяйка, придвигая к гостю чашку с чаем, и сама присела напротив за столом. – Но почему она уехала? Насколько я помню, у нее же все было хорошо в жизни: хороший муж, замечательные дети, собственный дом – полная чаша. Помню, мы с девочками ей даже завидовали: какого парня себе отхватила наша Женька! На свадьбе вы смотрелись такой красивой парой!

Златогорский тяжело вздохнул и посмотрел на собеседницу с сомнением, словно решая: выдавать тайну или нет? Помолчал, рассеянно болтая ложечкой в чашке, бросил взгляд в окно и, наконец, решился:

– Женя тяжело больна, Мариночка, очень тяжело.

– Господи, что с ней случилось? – прижала руки к сердцу молодая женщина, испугавшись за подругу.

– Послеродовая депрессия, – почти шепотом произнес Игнат. – После родов она даже в больнице психиатрической лежала два месяца, пока я с ребенком мучился.

– Странно, но я с ней пару раз разговаривала после рождения Тимочки. Она была совершенно нормальной, – попыталась возразить Марина, но гость затряс головой.

– Это случилось после вторых родов, когда родился Артемка! Ах, Марина, это я во всем виноват! Врачи говорили, что надо все время пить лекарства. Я первое время следил, но состояние ее вроде бы нормализовалось, и я расслабился, перестал контролировать. А когда вернулся из командировки, нашел кучу нетронутых таблеток. Она не принимала лекарства, Марина!

– Не вините себя! – попыталась успокоить безутешного мужа Марина и не удержалась, коснулась ладонью его руки, лежащей на столе. – Что же ее толкнуло на столь странный поступок?

– Да разве ж можно понять логику сумасшедшего?! – с болью в голосе воскликнул Игнат. – Вы же знаете, каково это – жить под одной крышей с больным человеком. Какая идея может возникнуть в его воспаленном сознании? Бог весть!

Игнат закрыл лицо руками и судорожно вздохнул. «Бедный, – подумала Марина, – он же на грани отчаяния!» Она вспомнила, как ее собственная семья многие годы мучилась с Мариной бабушкой, на старости лет впавшей в маразм. Как регулярно старушка уходила из дома и ее приходилось искать по всему городу. Не помогали ни замки на дверях, ни записки с адресом, рассованные по всем карманам. Искали по больницам, моргам, отделениям полиции. Столько сил и нервов вымотала больная у своих родственников, что вспомнить страшно, пока однажды не вышла в окно на восьмом этаже... Да, Марина очень хорошо понимала Игната и сочувствовала ему.

– Даже не знаю, чем вам помочь, Игнат?

– Я больше всего за детей переживаю, – пробормотал гость глухо. – Она же может с ними сделать все, что угодно.

– Что вы, Игнат! Она же мать! Ничего плохого она детям не сделает.

– А я вот уже и не уверен... Дома несколько раз были ужасные сцены, когда она приходила в ярость от того, что дети плакали или не слушались. А они же дети! Как объяснить двухлетнему ребенку, что маму злить нельзя? – Он отвел взгляд в сторону, но в голосе звучала неприкрытая боль. – Тимку она пару раз закрывала в темном чулане за какие-то незначительные провинности. А мальчик боится темноты! Младшего при мне так отшлепала, что на коже долго держались красные следы. Я ее тогда еле успокоил, в таком исступлении она была...

Марина растерянно хлопала глазами.

– У меня в голове не укладывается, чтобы Женька, наша Женька могла так поступить! Она же была самой доброй, самой любящей, самой светлой в нашей студенческой компании и детей очень любила.

– Увы, Мариночка, болезнь меняет человека до неузнаваемости, – покачал головой гость и скорбно поджал губы. – Пообещайте, пожалуйста, что вы мне сообщите, если Женя выйдет с вами на связь. Я вас умоляю!

Игнат вытащил из кармана маленький блокнот, вырвал листок и быстро написал свой номер телефона.

– Конечно, конечно, Игнат! Обязательно сообщу.

– И можете обзвонить всех ваших институтских знакомых, предупредить и их тоже? Вдруг Женя им позвонит или приедет.

– Хорошо, хорошо. Позвоню. И не волнуйтесь так, Игнат!

Спустя полчаса Игнат Златогорский вышел из подъезда блочного дома на окраине Москвы и вытащил из кармана пачку сигарет. Закурил. Когда развеялся клуб дыма, его лицо уже не выражало отчаяние и безнадежность. Оно стало жестким и холодным. Он постоял немного, не торопясь затянулся пару раз и, бросив окурочок на тротуар, пошел в сторону автобусной остановки.

В окно третьего этажа за ним наблюдала Марина. «Надо же, – печально думала она, – как жизнь складывается! А мы-то, дуры, Женьке завидовали: жених симпатичный, с хорошим образованием, из состоятельной семьи, так красиво за ней ухаживал, только что на руках не носил. Почти сразу собственный дом купили. Детки такие хорошие родились. А вот ведь болезнь нежданно-негаданно настигла... Бедный Игнат, бедные дети!»

– Ну, ты белье-то будешь доглаживать? – послышался за спиной голос мужа.

Марина встрепелась и направилась в комнату, оставив невымытую посуду в раковине.

– А самому что, не доглядить? Руки у тебя отвалятся? Небось уже футбол свой смотреть намылится! – заворчала Марина, вспоминая расстроенное и растерянное лицо Игната Златогорского. Хороший парень, а как не повезло с женой...

***

Спустя неделю Александр сидел за рабочим столом и разбирал документы в кожаной папке, подготовленные исполнительной секретаршей Ниночкой. Первую половину дня Плужников пробыл на совещании с инвесторами, потом отправился на деловую встречу, потом на вторую деловую встречу, которую предусмотрительно назначил в ресторане, чтобы совместить приятное с полезным. Удалось нормально пообедать и договориться с крупным поставщиком. Вернувшись в офис к окончанию рабочего дня, он занялся накопившимися за день документами, верный привычке проверять все бумаги, прежде чем поставить подпись.

В начале седьмого в дверь кабинета заглянула секретарша и, глянув на него просительно круглыми голубыми глазами, спросила:

– Вы еще долго, Александр Сергеевич? Можно мне идти?..

Плужников оторвал взгляд от бумаг и дружелюбно улыбнулся.

– Идите, Нина, конечно, идите. Рабочий день уже закончился. Завтра с утра напомните мне позвонить в мэрию.

– Хорошо, – кивнула Ниночка, потрянув рыжеватыми кудряшками, и упорхнула.

Плужников опять углубился в изучение документов. Он устал, но домой торопиться не хотелось. После инцидента с квартиранткой между ним и матерью пробежала черная кошка. Аделина Сергеевна по старой привычке играла в «молчанку», обидевшись на сына. По правилам этой игры он должен был мучиться совестью, видя скорбно поджатые губы матери, страдать, испытывать раскаяние и, спустя непродолжительное время, попросить у нее прощения. Она, конечно, простит неразумного сына, помучает немного своим молчанием и простит.

Но в этот раз что-то сломалось в отлаженном за долгие годы механизме. «Сыночка» не испытывал раскаяния и прощения просить не спешил. Она продолжала готовить ужины, молча выставляя на стол еду, он молча ел и, бросив дежурное «спасибо», не проронив больше ни единого слова, уходил в свою комнату. В доме стало холодно и неуютно, и спешить в него после работы не хотелось.

Плужников дочитывал текст очередного договора, когда в дверь нетерпеливо постучали. Он поднял голову и увидел на пороге кабинета Евгению с пылесосом в руках. Одетая она была в синий рабочий халат и такую же синюю косынку, из-под которой выбивались непослушные темные пряди.

– Извините, – недовольно проворчала она, – я уже убрала все кабинеты, остался только ваш. Если вы намерены сидеть на работе до глубокой ночи, то позвольте мне здесь убраться. Скоро семь часов, а мне детей надо вовремя забрать у соседки. У нее сериалы начинаются в восемь. Так что будьте любезны!

Плужников вытянул левую руку и бросил взгляд на циферблат дорогих часов на запястье. Действительно, без четверти семь! Пора домой. Нечего мешать людям делать свою работу.

– Да, конечно, – вскочил из-за стола, пряча недочитанный договор в папку, и быстро вышел в приемную.

За спиной сразу раздался гул работающего пылесоса, словно взлетал самолет. Плужников подошел к окну и, засунув руки в карманы брюк, стал смотреть на раскинувшийся далеко внизу город, похожий на темное покрывало с люрексом. Освещенные улицы с потоками несущихся автомобилей сплетались в волшебной красоты узор. Горящие ярким светом окна многоэтажек манили, как звездные скопления далеких галактик. Глядя отсюда, с высоты пятнадцатого этажа современного офисного здания, сквозь огромное, во всю стену окно, городская суэта казалась отдаленной и нереальной.

Похожий на звук взлетающего самолета гул смолк, и Плужников обернулся. Уборщица выкатила тяжелый агрегат из кабинета.

– Ну вот, – произнесла Евгения более мягким и дружелюбным голосом, поправляя на голове косынку, – можете работать дальше.

– Да, пожалуй, пора заканчивать, – ответил Плужников, – поздно уже.

Девушка кивнула и направилась прочь по коридору в сторону подсобки, где хранился весь уборочный инвентарь. И Александр, вдруг почувствовав непонятную тоску в душе, проронил ей в спину:

– А давайте я вас до дома подвезу, раз уж стал причиной вашей задержки на работе.

Евгения остановилась и обернулась, посмотрела на него подозрительно и пожала плечами.

– Спасибо, но я сама доберусь на общественном транспорте. – И ушла.

Быстро собравшись, Александр закрыл кабинет на ключ и спустился на лифте на первый этаж, кивнул на прощание дежурному охраннику, торопливо миновал просторный гулкой холл и вышел на улицу. Холодный сырой ветер дохнул в лицо. Нет, все-таки осень – самое

противное время года. Скорей бы уж зима со снегом, с морозами, с непролазными сугробами и скользкими ото льда дорогами.

Плужников подошел к своей машине, быстро сел за руль и завел мотор, давая ему прогреться и наполнить салон уютным сухим теплом. Он не спешил уезжать. Он ждал.

Спустя минут пять на ступенях лестницы появилась Евгения. Она была одета в простенький серый плащик немодного фасона и закрытые черные туфельки на низком каблучке, какие обычно носят пожилые женщины с большими суставами. Темноволосую голову укрывала скромная неяркая косынка. Замерев на верхней ступеньке, девушка огляделась и подняла повыше воротник плаща.

– Евгения, – позвал Плужников, приоткрывая дверцу, – садитесь в машину. Я вас отвезу, а то опоздаете к началу сериалов.

В карих глазах девушки мелькнуло удивление и... недоверие.

– Я лучше на метро. Кругом же пробки!

– А я знаю хитрый маршрут, как окольными путями доехать быстро и без пробок, – он оперся предплечьем на раскрытую створку двери и улыбнулся.

Евгения какое-то время колебалась, но мелкие капли дождя увлажнили лицо, очередной порыв ветра чуть не сорвал с ее головы косынку. И она, стараясь не смотреть в глаза Плужникову, все-таки подошла к машине и села в мягкое кресло рядом с водителем. Автомобиль, как большой неуклюжий зверь, утробно урча, медленно тронулся с парковки.

– Вам не дует? – поинтересовался Плужников, скосив взгляд на пассажирку. Та смотрела в окно, отвернув от него лицо. – Через пару минут воздух нагреется и станет теплее.

– Мне не холодно, – но голос был совершенно холодным и безразличным.

– К сожалению, Алла Ефимовна не смогла найти вам работу по специальности. Пока все вакансии заняты, только низкоквалифицированные были свободны, – попытался завязать беседу Александр.

Девушка пожалала плечами, но лицо не повернула.

– Я на большее и не рассчитывала. Спасибо и на этом. – Фраза прозвучала совершенно дежурно и заученно, без малейших признаков благодарности.

– Как только какое-нибудь место освободится, мы вернемся к этому вопросу, – стало досадно, что разговор не клеится, ведь он искренне хотел помочь. Но, вероятно, в ее памяти накрепко засел эпизод с попыткой вышвырнуть ее из квартиры на улицу... – Как зовут ваших детей, Женя?

Она обернулась и с удивлением посмотрела на него. Какое ему дело до ее детей?

– Тимка и Темка...

– Сколько им?

– Тимофею пять, а Артемке три с половиной.

– Вы оставляете их с соседкой, когда уходите на работу?

– Да. С пятого этажа. Я ей плачу по пятьсот рублей в день, и она с ними сидит, даже погулять на улицу выходит в хорошую погоду.

Плужников прикинул в уме, что это еще десять тысяч к тем двадцати, что составляли квартирную плату. Что же им остается на жизнь, если зарплата уборщицы и так копейки? Но спросить постеснялся. Он притормозил у небольшого продуктового магазинчика, манившего яркой вывеской над полуподвальным помещением.

– Я буквально на пару минут, Евгения, – и быстро вылез из машины.

Он обшаривал взглядом заполненные продуктами полки, выискивая детские йогурты и творожки, фрукты и сладости. Набрал большой полиэтиленовый пакет, расплатился на кассе банковской картой. Евгения сидела в машине и не обратила внимания на то, как он поставил набитый покупками пакет на заднее сиденье, только хмурилась и демонстративно поглядывала

на часы. Снова тронулись в путь, лавируя между плотно припаркованными во дворах автомобилями.

Когда подъехали к дому, на часах было без трех минут восемь. Евгения заторопилась и выбралась из машины сама, не дожидаясь, когда водитель откроет перед ней дверь.

– Спасибо! – бросила на ходу и побежала к подъезду, уворачиваясь от резких порывов ветра.

– Пожалуйста, – пробормотал себе под нос Плужников и полез за пакетом с продуктами.

Евгения заскочила на пятый этаж к соседке. Та уже одела детей и выставила их на лестничную площадку, всем своим видом демонстрируя недовольство: по телевизору уже показывали титры очередного увлекательного сериала, который невозможно было пропустить. Женя сунула в руку пожилой женщине купюру, благодарно улыбнулась и склонилась к детям.

– Ну, как вы себя вели, мои хорошие? – лицо ее мгновенно преобразилось, словно внутри включили особый свет. – Соскучились?

– Соскучились, мама! – на два голоса пропели мальчишки, обнимая ее.

– Ну, пошли домой тогда, будем ужинать и сказки читать.

...У дверей квартиры стоял Плужников и ждал их. Евгения чуть не выронила ключи из рук. Что ему еще нужно?

– Передайте Аделине Сергеевне, что деньги я ей верну с первой же зарплаты, успокойте ее, – произнесла она, нахмурившись и неловко пытаясь попасть ключом в замочную скважину.

– А я ее уже успокоил, – ответил похожий на викинга амбал. – Про квартплату не думайте, когда сможете, тогда и отдадите. Привет, молодежь!

Он присел на корточки перед детьми и улыбался, рассматривая черноглазые, черноволосые мордахи, очень похожие на маму.

– Меня дядя Саша зовут, – и протянул большую сильную ладонь старшему Тимофею.

– Привет! – ответил тот и робко попытался пожать руку незнакомцу.

– Быстренько домой! – скомандовала Евгения и впихнула детей в открытую дверь. Сама замерла на пороге. – Вы хотели проверить состояние квартиры? Не натворили ли что-нибудь дети?

Во взгляде квартирантки Плужников прочитал недоверие и страх. Ничего хорошего от визита сына квартирной хозяйки она не ждала.

– Да нет, я на секунду! – Он вошел следом за ней в коридор, испытывая неловкость, словно был незваным гостем в собственном доме, тихо опустил пакет с покупками на пол в уголке. – Просто хотел познакомиться с вашими ребятами.

Евгения, внутренне приготовившаяся обороняться всеми силами от навязчивого гостя, растерялась, когда тот неожиданно вышел из квартиры и, вежливо попрощавшись, зашел вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. В коридоре на полу остался пакет с продуктами.

– Эй, вы забыли пакет! – крикнула Евгения, выглядывая на лестничную площадку.

Плужников уже спустился этажом ниже, поэтому она его не увидела, только услышала дробный перестук шагов по ступенькам:

– Это вам, вернее детям... Нельзя оставлять детей без белков и витаминов, а то болеть начнут.

Евгения, пошуршав в пакете и придя в ужас от количества дорогущих лакомств, бросилась к окну на кухне. Но только успела заметить, как большой темный автомобиль торопливо выехал со двора, растворившись в промозглой осенней ночи. «Ну что ему еще от меня нужно?» – прошептала она, кусая губы. Александр Сергеевич Плужников был крупным, высоким, сильным и уверенным в себе. Она всегда боялась таких мужчин, а с недавнего времени боялась вообще всяких мужчин. Игнат был на голову ниже Плужникова, да и косой сажени в плечах не имел, но для того, чтобы причинить ей боль, как на собственном опыте усвоила Женя, особой силы и не требовалось. Очень хотелось держаться подальше от всех мужчин,

но Плужников был сыном ее квартирной хозяйки. И вроде пока ничего плохого ей не сделал, не позволил выгнать на улицу с детьми, даже помог с работой, а сегодня подвез до дома и еще эти продукты... Но она его боялась, боялась до немоты, до паралича. Казалось, если он посмотрит на нее сурово, она тут же потеряет сознание.

В кухню заглянули малыши и с немым восторгом уставились на разноцветные баночки с йогуртами. Ну, что с ними поделаешь?..

***

Митя Гаврилов обрадовался неожиданному визиту старого студенческого товарища, нагрянувшего к нему в разгар выходного дня.

– Какие люди в Голливуде! – радостно забасил он, впуская в свою квартиру гостя. – Каким ветром тебя занесло в мое скромное обиталище, Златогорский?

С Игнатом они вместе учились в юридическом институте МВД. Сколько водки вместе было выпито, страшно вспомнить! После окончания друг отправился в свой городишко Сосновск под крыло отца – начальника местной полиции. Митя же решил покорить Москву, хотя никаких связей в столице у него не было.

– Прям сразу к делу предлагаешь перейти, с порога? Может, сначала выпьем за встречу? – Игнат жестом фокусника извлек из-за спины бутылку «Лапландии» и широко улыбнулся.

– О-о-о! Вот это по-нашему! – хохотнул Митя и выхватил из рук друга прохладный и тяжеленький подарок. – Проходи, проходи, Игнат.

Он провел гостя в скромно обставленную единственную комнату своей холостяцкой квартиры, а водку поставил на журнальный столик.

– Я сейчас что-нибудь сообразю на закуску, – заверил он, торопливо выбегая в кухню, – правда, я уже второй год холостякую. Поэтому, сам понимаешь, в холодильнике у меня пусто. Но что-нибудь придумаю.

– Да я ж тебя, Димыч, как облупленного знаю. Предусмотрительно захватил к беленькой закуску, чтобы тебя не напрягать. Надеюсь, хлеб у тебя есть?

– А как же!

Гаврилов вернулся с половинкой буханки хлеба и парой рюмок. И еще больше обрадовался, увидев на столе нарезки с колбасой, ветчиной и сыром. В глазах его сразу появился вожделенный блеск, а с лица не сходила глуповатая улыбка. Скучный выходной оборачивался отличной попойкой!

– Открывай бутылку, а я еще маминых маринованных огурчиков принесу. Она меня иногда навещает. Привозит целые сумки всякой вкуснятины, боится, что ее непутевый сынок с голоду сдохнет без жены, без подруги, – охотно рассказывал Гаврилов, организуя нехитрое застолье. – Так что стряслось-то, Златогорский? Ты ж просто так ради выпивки ко мне в столицу не приперся бы. Я тебя знаю.

Игнат удобно устроился в кресле, поднял наполненную до краев рюмку и нахмурился. Вздохнул тяжело и печально, рука его слегка дрогнула, и капля прозрачной жидкости упала на стол.

– Жена у меня, Димыч, сбежала к своему хахалю в Москву и прихватила с собой все мои сбереженья и обоих детей.

– ... Ничего себе! – выдохнул Гаврилов и опустил руку с полной рюмкой водки. Улыбка сползла с его добродушной физиономии, взгляд потускнел. – Значит, в нашем полку брошенных мужей прибыло... Давай за это и выпьем, дружище!

Выпили, но от бывшего веселья не осталось и следа. Митя сразу вспомнил жену Ленку, год назад слинявшую от него – молодого полицейского опера – к перспективному бизнесмену, успешно торговавшему итальянской сантехникой. Узвзленное самолюбие до сих пор нлыо

в глубине сердца, не давало простить и забыть. Долгими одинокими ночами он ворочался с боку на бок и представлял, как подносит дуло табельного «макарова» к покрытому испариной лбу унитаза короля, как тот ползает перед ним на коленях и униженно молит о пощаде. И ему становилось немного легче.

– Не ожидал такого от твоей Женьки! Она мне казалась не такой, как все: скромной, немного застенчивой, совершенно не жадной, хорошей хозяйкой и заботливой матерью.

– Все бабы суки! – изрек Игнат и опрокинул в рот вторую рюмку водки.

– Выходит, что так. А жаль. Была какая-то надежда, что мир на самом деле не так плох, как кажется.

– Мир, Димыч, – сплошное говно! – с болью в голосе произнес Златогорский. – Я тоже думал, что моя Женька особенная, пока не наткнулся на ее переписку в компьютере. Она этого хахалю на каком-то сайте знакомств подцепила. Я ж для нее и для детей пахал с утра до ночи, каждую копейку в дом тащил! Пацанов каждый год в отпуск на теплое море, чтоб меньше болели, жене шубу норковую до пят, а она... Я, когда все узнал, поговорил с ней. Вежливо так поговорил, – при этих словах рука Игната медленно сжалась в увесистый кулак. – Чего, мол, тебе еще надо? Что не так? Катаешься, как сыр в масле, а все туда же, на сторону смотришь. Она заявила, что ей романтики в жизни не хватает! Прикинь, Митька! Принца ей подавай, принцессе этакой. А я не принц, я обычный трудяга. В общем, поругались. Я уехал в командировку специально, чтобы собраться с мыслями, принять нужное решение. Думал, ладно, будет тебе романтика, буду с полочки цветы покупать, в рестораны по воскресеньям водить буду или дома ужин при свечах устраивать. Сидя дома, ей же невдомек, что при такой нагрузке мне никакой романтики уже не надо, лишь бы до койки доползти к вечеру и заснуть тут же. Вернулся, ничего не подозревая. А оказывается, эта сучка обчистила мой сейф, забрав все заработанное непосильным трудом, все до последней копейки. А мне ведь кредит за дом еще два года выплачивать! Она меня с дерьмом смешала, в землю душу мою втоптала и умотала в первопрестольную к какому-то хлыщу, якобы бизнесмену, прихватив детей! Так что предали меня, Димыч.

Несколько минут друзья молча жевали нехитрую закуску, хмуро уставившись на ополовиненную бутылку «Лапландии». Что можно было сказать? Проза жизни.

– Да бог с ней, с Женькой! – вдруг заявил Игнат и резко махнул рукой, задев упаковку с ветчиной. Та соскользнула на пол, и Гаврилов полез за ней под стол. – Я из-за детей переживаю! Я ей что – бык-осеменитель, чтобы моих сыновей чужой дядька воспитывал? Не-е-е-т, Димыч, я не позволю!

Митя заметил блеснувшую в глазах друга злую слезу, и ему стало трудно дышать. К обиде на бывшую жену, до костей изглодавшую душу опера Гаврилова, присоединилась обида на неверную жену друга и стала расплзаться жидкой грязью, распространяясь на весь женский род. Он налил еще по одной и быстро выпил, не дожидаясь товарища.

– Помоги мне ее найти, Димыч, – попросил Златогорский. – Я с ней, чужой подстилкой, конечно, разведусь, но детей не уступлю. Нет, конечно, совсем мальчишек у нее забрать не получится, но я добьюсь права видеться с ними, воспитывать малышкой... Они ж мои родненькие, кровиночки мои...

Игнат всхлипнул и, к ужасу товарища, по щеке его заскользила крупная прозрачная капля. Гаврилову тут же захотелось собственными руками придушить неверную Женьку. Вот что эти твари делают с мужиками?!

– Найдем, найдем мы ее, не беспокойся! – поспешил он уверить друга и подлил в его рюмку. – Пей давай, до дна пей. А где этот тип обитает, к которому она свалила? Как его зовут?

– А хрен его знает! – зло вскинулся Игнат, а Мите показалось, что он сейчас сплюнет прямо на ковер на полу. – Если б я знал, то не стал бы обращаться к тебе за помощью. Помоги мне, Димыч, ты ж в органах работаешь.

Взгляд Игната стал жалобным, просительным.

– Так я ж простой опер, считай, на земле тружусь.

– Но связи-то у тебя есть!

– Есть кое-какие... – Гаврилов растерянно потер лоб, пытаясь сосредоточиться и сообщить, как помочь другу.

– Я, как на вокзал приехал, сразу отправился в опорный пункт, – сообщил Игнат, – поговорил с тамошними ребятами. Но все глухо! Там же толпы народу мимо них каждый день проходят. Была бы какая ориентировка, может, и обратили бы внимание на женщину с двумя детьми. В этих толпах женщин с детьми сотни, если не тысячи, где уж тут запомнить.

– А в компьютере какая-нибудь информация об этом хахале сохранилась? – спросил Митя, почти физически ощущая, как медленно ворочаются мозги в его голове, затуманенные алкоголем.

– Нет, в том-то и дело! Эта хитрая стерва ноутбук свой с собой прихватила. Так что никаких следов. Телефон ее вне зоны доступа сети. Записных книжек никаких нет. Аккаунты в соцсетях позакрывала. Все концы обрубил, сука.

В голосе однокашника мелькнула такая злоба, что Гаврилов невольно поежился. Ему до сих пор трудно было представить хрупкую и тихую Женьку в образе коварной стервы. Но в жизни люди часто надевают на себя маски, скрывая свою истинную сущность.

Бутылка «Лапландии» кончилась, Игнат достал вторую. Схрумкали все огурцы. В сочетании с копченой колбаской было очень вкусно. Гаврилов силился придумать, как найти иголку в стоге сена, но мысли вязли в какой-то паутине, путались. Вскоре они, миновав сложную проблему поисков неизвестно где неизвестно кого, сосредоточились на мести обманутого мужа. Вот тут они развернулись! С каждой очередной рюмкой фантазии двух пьяных мужиков становились все изощреннее: им недостаточно было кастрировать подлого злодея, его помещали в железную клетку, к которой был подведен электрический ток, сбрасывали с вертолета, забыв снабдить парашютом, отдавали на растерзание своре голодных псов... Чем нелепее становились их пьяные фантазии, тем сильнее они чувствовали себя хозяевами положения, вершителями судеб мелких людишек. Поздним вечером оба утомонились в разных концах дивана, даже не раздевшись, оглашая пустую квартиру нестройным храпом на два голоса.

***

Эта женщина не выходила у Плужникова из головы. То, что с ним творится что-то странное, он понял, когда на совещании не смог ответить сразу на заданный вопрос. Он просто его не услышал, пропустил мимо ушей. И растерялся, потому что совещание было посвящено очень важному для фирмы проекту. Он сам придавал этому проекту особое значение, тратил много времени и сил на его продвижение, а тут вдруг... Сидел во главе стола, механически постукивая карандашом по столешнице, а перед глазами видел не начальников отделов с серьезными, сосредоточенными лицами, а большие карие глаза квартирантки и уборщицы.

Самое главное, эта женщина ни в какое сравнение не шла с теми лощеными красавицами, с которыми он привык общаться. Да она и на десятую долю не была такой холеной, модной, уверенной в себе. Он вспомнил Милану – свою последнюю пассию, очаровательную блондинку, напоминающую куколку Барби. Красота ее была совершенной. Он любовался ею, как произведением искусства, хотя подозревал, что внешность Миланы и была произведением искусства, только не художников или скульпторов, а искусных пластических хирургов и косметологов.

С Миланой они провели последний отпуск на райских островах. Синее море, белый песок, зеленые пальмы лениво покачивают ветвями над головой, теплый ветерок ласкает разгоряченную солнцем загорелую кожу... От отпуска осталось ощущение праздника. Он всегда искал и находил таких женщин, чтобы отношения становились праздником, удовольствием,

наслаждением. И как только удовольствие начинало иссякать, он тут же менял подружку. А зачем ему головная боль? Он никогда ничего не обещал, даже не намекал на что-то серьезное. Женщина для него была чем-то вроде десерта с вишенкой – красиво, вкусно, но можно обойтись. Он легко знакомился с женщинами и легко расставался.

Евгения была совсем из другого мира, в котором о пластической хирургии и элитных салонах красоты только в глянцевых журналах читали. Она была слишком худенькой, хрупкой, с измученным личиком, с недоверчивым или настороженным взглядом карих глаз. Она плохо одевалась, выглядела неухоженной, даже болезненной. Глядя на нее, в душе невольно рождались нежность и сострадание. Милана бы назвала ее замухрышкой. Хотя, нет, не назвала бы! Милана бы ее никак не назвала, потому что в упор бы не заметила. Таких людей, как Евгения, из обслуживающего персонала или неудачников по жизни, что для нее было одним и тем же, Милана вообще не замечала. Эти люди существовали для нее в параллельной вселенной и имели то же значение, что и мебель или бытовая техника – существовали для ее удобства.

Но в Жене была та хрупкая, утонченная красота, которую достаточно осветить радостной улыбкой, и она заиграет всеми своими красками. Вот только поводов для улыбок у бедной девушки в последнее время совсем не было. Она напоминала маленькую птичку со сломанным крылышком. А Плужникову почему-то безумно хотелось взять в ладони эту птичку и согреть, защитить... Ну не бред ли больного воображения? Да и птаха эта вовсе не стремилась оказаться в его ладонях, наоборот, топорщила перья и кололась сердитым взглядом. Он был для нее врагом, который хотел выкинуть ее с детьми на улицу в осеннюю сырость и холод, и принимать во внимание «смягчающие обстоятельства» она не собиралась.

После первой, такой некомфортной для всех, встречи в душе Плужникова поселился непокой. По ночам мерещились испуганные глаза детей, жавшихся друг к другу в застиранных пижамах. Ни помощь с работой, ни пакет с продуктами не успокоили, даже наоборот, разбередили душу. И однажды в голове возникла поразившая Александра мысль: «Я за них в ответе...»

Вот уж чего он никогда не любил, так это брать ненужную ответственность на себя. Более того, умудренный опытом управления крупной компанией, он понимал, что искусство руководства и заключается в том, чтобы умело распределять ответственность среди подчиненных, не взваливая все на свои плечи. Да и вряд ли сама Евгения хотела, чтобы за нее и ее детей отвечал Плужников. Всякий раз, встречаясь с ним в коридоре или заходя для уборки в кабинет, она бросала на него колючие, настороженные взгляды, от которых по спине Плужникова бегали мурашки и хотелось поежиться. Он включал логику на полную катушку, убеждал себя в нелепости и глупости своих эмоциональных порывов, но это не помогало. В душе крепло убеждение, что он несет ответственность за эту женщину и ее детей. Он хотел и обязан был ее защитить и сделать счастливой.

После того, как всем сотрудникам компании на личные счета перевели заработную плату, вечером в конце рабочего дня Евгения, громко постучав в дверь, вошла в кабинет начальника. Плужников оторвался от своих бумаг и с удивлением уставился на визитершу.

– Александр Сергеевич, – она решительно подошла к столу и положила перед ним пачку купюр, – вот деньги за квартиру. Передайте их, пожалуйста, Аделине Сергеевне. А это за продукты.

Поверх красных пятитысячных бумажек легли еще две мятых, засаленных синих тысячных, одна из которых была с оборванным краешком.

– Ну, зачем вы так, Евгения? – попытался возразить Плужников, поднимаясь из-за стола. – Я же просто хотел помочь...

– Мне подачки от вас не нужны! – И глянула на него так, что Плужников снова опустился в свое кресло. – Будьте добры, напишите расписку, что получили от меня деньги. А то мало ли... Аделина Сергеевна может забыть, что получила квартплату.

– Что вы, у Аделины Сергеевны прекрасная память. Но расписку я, конечно, напишу...

Он достал чистый лист бумаги и быстро черкнул пару строк, поставив внизу свою размашистую подпись. Вот значит как! Нам, столичным жителям, нет никакого доверия. Мы, москвичи, народ подлый и хитрый, а еще корыстный и коварный. Нам на слово верить никак нельзя! Плужников протянул листок Евгении. Та прочитала, сложила его пополам, потом вчетверо и спокойно, не торопясь убрала в карман синего рабочего халата. А он с интересом наблюдал за ее неторопливыми движениями. Попрощавшись, девушка повернулась и с гордо выпрямленной спиной вышла из кабинета.

Плужников откинулся на спинку кресла и усмехнулся своим мыслям: вот и попробуй, позаботься о такой! Такая скорее с голоду умрет, чем примет постороннюю помощь. И что прикажете делать? Но отступать и сдаваться без боя он не собирался.

***

Игнат стоял в самом центре смотровой площадки парка «Зарядье» и словно парил в воздухе. Под его ногами проезжали автомобили, стиснутая набережной, несла свои мутные воды река. Он облокотился о перила и посмотрел вокруг: далеко, до самого горизонта, покрытый вуалью смога раскинулся гигантский мегаполис. Пеструю ткань городских кварталов протыкали вспыхивающие на солнце шпили и купола церквей. В лабиринтах улиц, проспектов, площадей, переулков и тупиков копошился человеческий муравейник. Как вязкая кровь по венам, по магистралям медленно двигались автомобили, скапливаясь на перекрестках в пробки – тромбы. Нелепыми стеклянными скалами громоздились небоскребы Москва-сити. И где-то в этом городе была ОНА.

Зверь в его душе клацнул зубами и вздыбил шерсть на холке. Ноздри трепетали в тщетной попытке уловить, вычленив из сотен, тысяч разнообразных запахов один, самый важный и нужный – запах жертвы. Но напрасно. Этот отвратительный город, этот монстр, раздутый и неуклюжий, безобразный в своей многоликости, не желал выдавать ему беглянку, прятал ее. Зверь зарычал от досады. Неужели ему придется признать свое поражение? И перед кем?! Перед безмозглой дурой, слабой, никчемной, убогой девчонкой, осмелившейся пойти против его воли? Руки сами собой сжались в кулаки с такой силой, что побелели суставы.

Ноги гудели после бесконечного поискового марафона, ныла поясница. Последний день отпуска, взятого специально для поисков, он просто бесцельно мотался по городу надеясь волчьим чутьем уловить хотя бы направление, в котором стоило искать. От голода урчало и посаывало в желудке. Он не помнил, когда последний раз нормально ел. Перекусы на бегу – не в счет. Игнат вздохнул и подставил разгоряченное лицо прохладному ветру, дувшему с реки, и вспомнил, как все начиналось семь лет назад...

– Мать, а кто это? – спросил Игнат, глядя в окно на небольшую группку людей в черных одеждах, что толпились на улице перед автобусом, украшенным траурными лентами.

– О ком ты, сынок?

Мать подошла сзади и выглянула в окно через его плечо.

– Да вон девчонка с Семеновной разговаривает.

Он смотрел, как толстуха Семеновна – продавщица из ближайшего продуктового – что-то нашептывает на ухо тоненькой хрупкой брюнетке, а та вздрагивает плечами, видимо, плачет, и вытирает глаза маленьким белым платочком.

– Так это Женя.

– Женька? Внучка старухи Макаровой? – Игнат так удивился, что повернулся и взглянул на мать, оторвавшись от созерцания печальной сцены. Лицо ее всегда бледное, с вечно

опущенными уголками губ, с потупленным взором бесцветных глаз, сейчас выражало интерес, даже любопытство. Впалые щеки покрывал еле заметный румянец.

– Она самая.

– Так она вроде совсем еще девчонкой была. А тут вдруг такая красotka... .

– Это она пять лет назад была девчонкой, когда мать-то ее умерла, а она к бабке родной и переехала. Она тогда школу уже оканчивала, потом в институт поступила, в какой – не знаю, а теперь вот бабку хоронить приехала. Совсем сиротой бедняжка осталась. Отец-то у нее давно помер.

– Ясно... . – задумчиво пробормотал Игнат.

Вдруг лицо его осветила какая-то мысль, и он заявил матери:

– Собирайся, надень что-нибудь темное, пойдем на похороны. Надо же отдать долг памяти соседке, с которой всю жизнь на одной улице прожили.

– Ой, сынок, да я и не собиралась, – курицей закудаhtала мать.

– А ты собирайся, да побыстрее! – голос сына звучал как приказ, который не обсуждают.

В автобус они влезли последними. Игнат топтался в сторонке, пока мать выражала соболезнования сиротке, естественно, тоже пустив слезу. На кладбище стояли маленькой кучкой вокруг свежей могилы. Родни у покойницы, кроме внучки, не было, а друзей и соседей набралось немного. Женщины, не стесняясь, плакали, мужчины молчали со скорбными лицами. Игнат внутренне усмехнулся: умерла обычная ничем не примечательная старуха, а сырости тут развели! Осторожно, чтобы никто не заметил, он рассматривал внучку покойницы. Девушка, несмотря на красные, припухшие от слез глаза, была очень хороша собой. Тонкие, изящные черты лица, оленьи глаза, хрупкая фигурка с длинными стройными ножками, которую не скрывало даже нелепое, точно с чужого плеча, удлиненное черное платье.

После похорон не все отправились на поминки. Валентина Петровна – мать Игната – тоже засобиралась домой. Но он ее задержал, схватив за плечо жесткими пальцами.

– Ты куда собралась? – и сердитый взгляд из-под нахмуренных бровей.

– Так схоронили ведь, пора домой, сынок. У меня там опара на пироги поставлена, – заблелая виновато Валентина Петровна.

– Подождет твоя опара, – и потащил мать в осиротевший дом, где был накрыт стол для скромных поминок.

Сгорая от нетерпения и внутренне чертыхаясь, Игнат ждал, когда же закончатся эти занудные охи-вздохи и народ разбредется по домам. Он предусмотрительно не лез на глаза Женьке, отсиживался скромненько в углу, прихлебывая водочку из граненой рюмки и закусывая солеными огурцами. Пусть все уйдут, пусть эта краля одна останется, истратив на похоронный ритуал все свои душевные силы и слезы. Вот тут-то он и выйдет на авансцену, подставит крепкое плечо бедной сиротке.

Наконец, гости разошлись. Отпустив мать печь пироги, Игнат тихо вернулся на кухню, где безутешная внучка мыла посуду после поминок.

– Жень, – начал Игнат, подпустив в голос как можно больше скорбных ноток, – я хотел лично выразить тебе соболезнования. Мне искренне жаль твою бабушку. Хорошая она была женщина. Ее все на нашей улице любили.

Девушка подняла на него заплаканные глаза и вздохнула.

– Спасибо, Игнат.

– Жень, хотел спросить... . – он немного замялся, вроде как смутившись, – как ты дальше жить собираешься? Ты ведь институт окончила?

– Да. Осталось только диплом защитить.

– А потом куда?

– Не знаю... . Надо где-то жить, надо работу искать... . А у меня сейчас даже думать об этом сил нет. В голове все как в тумане...

Женя всхлипнула. В больших карих глазах блеснули слезы. Игнат забрал из ее рук мокрую тарелку, поставил на стол, а девушку, осторожно поддерживая под локоток, отвел в комнату и усадил на диван. Как он и ожидал, она была растеряна, расстроена и совершенно одинока.

– Женечка, – заговорил он ласково, осторожно поглаживая ее по руке, – ты не переживай, ты ведь не одна. Мы тебя не бросим, не оставим одну в беде, поможем, поддержим, соседи все-таки. Ты, главное, ложись на меня. Жилье у тебя есть, а с работой мы тебе поможем. У меня ведь отец – большой чин в полиции. Он всех нужных людей в городе знает. Поговорит с кем надо, и найдем тебе работу.

Девушка взглянула на него с благодарностью. Ей действительно было очень одиноко. После смерти бабушки она словно потерялась в этом мире, не знала, что делать, куда идти. А тут – он, добрый, заботливый, внимательный.

– Спасибо тебе, Игнат, – сказала Женя и слабо улыбнулась.

Просидев в доме Евгении еще минут пятнадцать, Игнат попрощался и отправился домой, в самый большой и красивый на этой улице кирпичный коттедж своего отца. Закуривая у калитки, он бросил оценивающий взгляд на старый, покосившийся от времени домишко старухи Макаровой, что по наследству перейдет к ее внучке, и подумал: «А домик продадим. Участок хороший, большой. Приличную сумму можно будет выручить».

***

В субботу Женя отправилась вместе с детьми в парк на прогулку. К счастью, череда дождливых промозглых дней сменилась сухой, хоть и холодной погодой. Мальчишки с большой радостью бросились играть в догонялки, оглашая притихшие парковые аллеи громкими веселыми криками. В уютном уголке парка располагалась детская площадка с качелями и каруселями, уже оккупированными детворой. Женя села на садовую скамейку и со стороны наблюдала, как играют ребяташки, чувствуя наполняющие душу покой и тишину.

Кажется, в ее жизни наконец стало все налаживаться: есть работа, есть крыша над головой, дети здоровы и присмотрены. И пусть все зыбко и шатко, ненадежно, но страх, переполнявший ее душу совсем недавно, не дававший спокойно спать, заставлявший вздрагивать от каждого шороха и замирать, если глаза в толпе узнавали похожее лицо, державший ее в жутком напряжении, этот страх стал отпускать свою жесткую хватку.

После прогулки, возвращаясь домой и думая о том, что же приготовить из скромных запасов на обед, мысленно распределяя полученные деньги до следующей зарплаты, Евгения вошла в квартиру и остолбенела: прямо посередине коридора стоял огромный пакет с продуктами, а из пучка свежей петрушки и укропа торчал почтовый конверт.

– Что это такое? – удивилась Женя, раскрывая конверт. Несколько пятитысячных купюр и две синеньких, тысячных, у одной из которых был оторван краешек.

Пока она приходила в себя, не зная, как реагировать на очередную подачку, Тимка и Темка уже с воодушевлением потрошили пакет, извлекая из него яркие упаковки с лакомствами.

Дверь распахнулась так неожиданно, что Плужников вздрогнул. Евгения, бледная от возмущения, решительным шагом пересекла кабинет и остановилась у стола прямо напротив шефа. Сверля его взглядом, положила конверт поверх документов.

– Что это? – спросил Плужников, удивленно приподняв брови.

– Деньги!

– Но вы же уже отдавали квартплату, – Плужников взял конверт и заглянул в него с любопытством. – Я передал деньги Аделине Сергеевне.

– Бросьте притворяться, Александр Сергеевич! Я уже сказала, что никакие подачки от вас мне не нужны!

– Не понимаю, о чем вы, Женя?

В его голубых глазах было столько искреннего удивления, что Евгения немного растерялась.

– Это ведь вы тайком подкинули мне в квартиру пакет с продуктами и эти деньги?!

– Я?! – Плужников поднялся из-за стола и, засунув руки в карманы брюк, замер напротив девушки, выпрямившись во весь свой внушительный рост. – Да боже упаси! По поводу подачек я вас услышал, навязываться не собираюсь. А деньги я действительно передал Аделине Сергеевне, о чем написал вам расписку. Все по правилам. Я не понимаю, Женя, в чем вы меня обвиняете?

– Но это же те самые купюры, которые я вам передала... – возмущение иссякло, сменившись полной растерянностью в больших карих глазах.

– А я и не рассматривал, какие там были купюры, просто передал их матери. Если хотите, давайте позвоним Аделина Сергеевне, она подтвердит.

Он даже потянулся за телефоном, но звонить не стал. Евгения покачала головой, растерянно хлопая ресницами.

– Но как же тогда?.. Я ничего не понимаю. Вы меня обманываете?

– Зачем мне вас обманывать, Женя? Это же глупо, по меньшей мере нелогично – получать деньги в качестве квартплаты и тут же отдавать их обратно квартирантке. Нас, москвичей, можно обвинять в чем угодно, но только не в глупости.

– Но ключи от квартиры были только у вас...

– Не только. Ключи еще у мамы и у вас, Женя. Может быть, вы их теряли? Может, кто-то брал у вас их на время, сделал дубликаты, а вы и не заметили? Всякое в жизни бывает.

Ей померещились лукавые искорки в глазах Плужникова, и она снова вспыхнула возмущением.

– Если вы еще раз... – начала Женя, но осеклась. Голубые глаза начальника блеснули холодом, а брови сурово нахмурились.

– Евгения, будьте добры, не отвлекайте меня от работы! Забирайте свои деньги и идите займитесь делом. Я привык платить людям зарплату за выполненную работу, а не просто так.

Он силой всунул ей в руки конверт с деньгами и настойчиво, но деликатно выставил за дверь. Подошел к окну и, уже не сдерживая торжествующую улыбку, уставился на проносящиеся внизу по магистрали потоки автомобилей. Он с удовольствием представил, какой радостью осветились лица Тимки и Темки, когда они увидели целую гору всевозможных вкусняшек. Нет, хоть квартирантка попалась гордая и упрямая, но он тоже не привык отступать перед трудностями. А выражение растерянности сделало лицо Жени удивительно милым, отчего на душе у него стало тепло и радостно.

***

– Я так и знал! – изрек Петр Игнатьевич Златогорский, окатив сына презрительным взглядом. – Упустил девку, лошара, а заодно и своих наследников.

Игнат стоял перед отцом красный от стыда, с низко опущенной головой, как двоечник перед строгим учителем, а тот сидел на стуле возле стола, широко расставив ноги и уперев руки в колени. Пытка презрением и насмешками была излюбленным способом воздействия старшего Златогорского на младшего.

– Я же тебе говорил, неслух, что бабу надо держать вот так, – и ткнул сыну под нос огромный, как кувалда, кулачище. – А ты ее распустил, дал волю. Вот она и вытерла о тебя ноги, дурак.

– Бать, я ж весь Сосновск вверх дном перевернул, всю Москву вдоль и поперек обошел, но город слишком большой, там затеряться проще простого, – виновато оправдывался Игнат, боясь поднять глаза на отца.

В тридцать лет он все еще чувствовал себя маленьким и жалким перед суровым отцом, особенно когда тот смотрел на него вот так, словно пригвозждая к земле своими волчьими холодными глазами. Отец давно уже не бил выросшего и повзрослевшего сына, но мог виртуозно одной презрительной фразой вогнать того в состояние мелкого и ничтожного существа.

– Я со всеми ее знакомыми и друзьями, к кому она могла кинуться за помощью, поговорил. Никто ее не видел и не слышал. Я с Димкой Гавриловым пообщался, проверил через него базы УФМС. В Москве Евгения Златогорская, а также Тимофей Златогорский и Артем Златогорский официально не зарегистрированы. Они все как в воду канули! Наверное, где-то прячутся, где-то живут нелегально. Но нелегалов в столице сотни тысяч! В полицию обращаться бессмысленно. Во-первых, это не Сосновск, это чужая территория. Им на наши проблемы начхать. Во-вторых, с чего бы этим заниматься полиции? Уехала жена от мужа, захватив с собой общих детей. Обычное семейное дело. Никакого криминала. – Игнат на минуту замолчал, растерянно хлопая ресницами, и наконец добавил совсем тихо: – Я не знаю, что еще можно сделать... Может, частного детектива нанять?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.